

## **Отзыв**

официального оппонента доктора филологических наук

Игоря Сергеевича Урюпина о диссертации

Александры Андреевны Семакиной

«Литературные архетипы как основа женских образов в романной трилогии И.А. Гончарова (“Обыкновенная история”, “Обломов”, “Обрыв”)»

(Москва: МГПУ, 2017),

представленной на соискание ученой степени

кандидата филологических наук по специальности

10.01.01 – русская литература

В современном литературоведении с его многовекторностью исследовательских стратегий, разнообразием методологических подходов к изучению отечественной и зарубежной словесности как культурно-исторического, ментально-психологического, этико-эстетического, аксиологического феномена чрезвычайно актуальной становится проблема идентификации и ретрансляции тех духовных смыслов, что сконцентрированы в художественной реальности и определяют бытие человека и его мировоззренческие горизонты. Диссертационная работа А.А. Семакиной, посвященная анализу архетипической доминанты в структуре женских образов романной трилогии И.А. Гончарова, оказывается не только недостающим «пазлом» в общей картине, реконструирующей творчество писателя в его онтологической целостности, но и логическим продолжением изысканий филологов, ориентированных на выявление глубинных первоначал, первосмыслов, прафеноменов в произведениях искусства.

Проблема архетипичности литературных образов и мотивов в последнее время значительно обострилась: в различных гуманитарных науках, имеющих дело с верификацией отраженных и преображеных в слове когнитивных моделей мира и человека, все чаще утверждается идея единства духовно-культурных процессов, порождающих универсальные смыслообразы (эйдосы). Концентрируя в себе исторический, национально-этнический, психологический, социальный опыт человека и человечества, эти эйдосы сознательно или бессознательно

воспроизводятся в произведениях искусства, образуя некое мифосуггестивное поле, в которое вовлекаются и художник (автор), и реципиент (читатель), и исследователь, вступая друг с другом в состояние диалога, смыслия, сочувствия, подключаясь к единой культурной традиции. Однако литературный архетип – больше, чем просто некая отвлеченная модель или схема человека, его характера. Это по сути персонифицированный мирообраз, проявляющий себя в разных обстоятельствах, но при этом не утрачивающей своей целостности. Архетип самодостаточен, а потому ни о каких «осколках», о которых говорит диссертант в своей трактовке литературного архетипа, не может быть и речи. Другое дело, что «художественный образ» «никогда не сводим к какому-то одному архетипу, точно так же, как человеческая личность не объяснима одним каким-то архетипом в юнгианском смысле, но содержит в себе многие грани и многие возможности» [с. 18]. В этом А.А. Семакина совершенно права.

Отсюда «литературно-архетипическая многогранность» [с. 38] образов И.А. Гончарова (в том числе и женских), которые аккумулируют в себе самые разные традиции, трансформируя, travestiруя и преосуществляя их. Поэтому художественная модальность гончаровских образов ни в коей мере не сводима к архетипичности, точнее, архетипичностью не исчерпывается. Очевидно, что работа А.А. Семакиной и весь эмпирический материал, который оказался детально проанализирован в диссертации, значительно шире обозначенной темы, поскольку включает в себя и историко-генетические истоки женских образов И.А. Гончарова, их структурно-типологические параллели с героями русской и зарубежной литературы, и интертекстуальные переклички на уровне мотивов и даже микросюжетов. Все вместе это интегрируется в некие формально-содержательные «матрицы», которые в современном литературоведении чаще называются «литературными архетипами», не сводимыми между тем к архетипам в психоаналитическом понимании этого термина.

При таком широком диапазоне свойств и признаков литературного архетипа, выступающего объектом изучения особой области гуманитарного знания, которую А.Ю. Большакова называет «архетипологией», достигается универса-

лизация в художественном познании мира. А это значит, что И.А. Гончаров, как и другие писатели, воплощая в своих произведениях собственное понимание жизни во всей ее сложности и противоречивости, отразил некие объективные закономерности, конденсирующиеся в архетипических ситуациях, архетипических мотивах, архетипических образах и т.д.

Само понятие «архетипическое» не тождественно архетипу, всякий раз воспроизводящемуся в искусстве и литературе в «готовом» виде. Потому вовсе не архетипы в собственном смысле (архетип матери, архетип девы, архетип старухи и т.д.) исследует А.А. Семакина, а именно архетипические черты, архетипические свойства, отчетливо проявляющиеся в женских персонажах романной трилогии И.А. Гончарова. Источниками их архетипической «подосновы» послужили произведения европейской и русской литературы, в которых представлены различные художественные типы, получившие статус вечных образов или прецедентных феноменов, в точности воссоздающих определенные женские характеры или их отдельные символические штрихи, угадывающиеся в героях «Обыкновенной истории», «Обломова» и «Обрыва». Не случайно А.А. Семакина не называет напрямую эти прототипические в мифопоэтическом и структурно-семантическом смысле образы архетипами, хотя архетипический потенциал у них, безусловно, имеется, но он не может быть реализован в полной мере.

Исследователь весьма корректно говорит об «идее Беатриче» в романах Гончарова («эта идея – как грань или как намек – присуща практически всем женским персонажам у Гончарова без исключения» [с. 44]). И как идея, она связана с мотивом «спасения, возрождения, сферой чувств» [с. 44], то есть всем тем комплексом мифологем, которые реализуются в протосюжете «Божественной комедии» Данте. Однако возводя к образу Беатриче едва ли не всех героинь гончаровской трилогии (даже Агафью Пшеницыну), А.А. Семакина вынуждена признать, что «модель Беатриче» [с. 62] значительно travestiруется, ибо Агафья Матвеевна, воплощающая плотски-земное начало бытия, предстает как «анти-Беатриче» [с. 58]. «Анти-Пигмалионом» оказывается и Петр Адуев в ро-

мане «Обыкновенная история», «у которого была своя стратегия по воспитанию жены в духе популярных тогда идей, которые отчасти восходили к Ж. Санд, а отчасти находили свою реализацию в сюжете о Пигмалионе и Галатее» [с. 88]. «Минус-прием», оправданный в структуралистском литературоведении, совершенно не приемлем в архетипологии, имеющей дело с целостными ментально-психологическими структурами, проецируемыми на некий первоисточник.

Гончаровские персонажи (и мужские, и женские) принципиально полигенетичны, а потому они не могут восходить к какому-либо одномуprotoобразу. А.А. Семакина, хорошо осознавая это, свой анализ сосредоточивает на смысловых нюансах, предпочитая вести речь об архетипических свойствах и качествах, проявляющихся у героев зачастую даже имплицитно. Так, например, в Софье Беловодовой из романа «Обрыв» исследовательница видит «мерцание гамлетовских черт» [с. 68]. Но разве «мерцание» может служить основанием для верификации гамлетовской доминанты в образе героини? Почти такой же «аргумент» приводит соискатель для выявления гамлетовского импульса в образе Лизаветы Александровны из романа «Обыкновенная история»: «Лизавета Александровна, как и Гамлет, поставлена на грани бездны – и трагизм повседневного быто-бытия, одиночество в супружестве – делает ее нерешительной и сомневающейся. Она, как и Гамлет, оказывается “искупительной жертвой” обстоятельств» [с. 75-76]. Конечно, гамлетовское сомнение присуще героине, но какова его природа? Исключительно на основании внутренних терзаний и сомнений едва ли не у всех героев мировой литературы можно обнаружить гамлетовское начало. Несомненно, Гамлет как вечный образ отражается во многих героях и героянках И.А. Гончарова.

Вызывает некоторое сомнение возможность мужского архетипа в его самодостаточности становиться артетипической основой в женских образах, в которых неизбежно теряется, редуцируется сама ментально-психологическая мужская «первородность». Однако это нисколько не противоречит тому, что в структуре женских образов проявляется и «немало мужских граней» (Гамлета,

Фауста, Мефистофеля, Пигмалиона) [с. 181], но эти «границы» все же остаются гранями. Именно поэтому, как справедливо утверждает А.А. Семакина, «для женской природы не ограничен архетип Дон Жуана. Этот архетип, очень важный для романистики Гончарова», «предполагает четкую гендерную соотнесенность» [с. 181], которой не следует пренебрегать, ведь еще К.Г. Юнг, выделяя архетипы анимуса и анимы, настаивал на том, что это не конвергентные формы одного и того же архетипа, а совершенно разные и даже диаметрально противоположные по своей сути, хотя и одноструктурные по форме.

Другое дело, что сама конвергенция мужских свойств и качеств может проявляться в женских образах. И в этом смысле «фаустовский сюжет», который исследует А.А. Семакина, оказывается следствием «фаустовского комплекса», который в не меньшей степени присущ не только героям романов И.А. Гончарова, но и, прежде всего, его героиням. В этом смысле трудно не согласиться с доктором филологических наук А.А. Семакиной, которая пишет: «в Ольге Ильинской есть черты Гретхен, Фауста и Мефистофеля» [с. 112], а все потому, что художественные образы вбирают в себя черты различных архетипов, универсалий. А.А. Семакина, продолжая продуктивно реализовывать исследовательские стратегии своего научного руководителя, попыталась обнаружить системные архетипические связи женских образов романной трилогии И.А. Гончарова с прецедентными текстами мировой литературы, в недрах которой выкристаллизовались собственно литературные архетипы.

Богатейшая традиция русской классической литературы также дала материал для реконструкции архетипических моделей женских образов, аллюзивно проецирующихся на систему персонажей «Обыкновенной истории», «Обломова», «Обрыва» как художественного единства, в котором отражаются национально-культурные константы, явленные в повести Н.М. Карамзина «Бедная Лиза», романах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» и М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». «Образ “бедной Лизы”, - замечает А.А. Семакина, - мог служить для некоторых женских образов в романной трилогии одним из архетипических оснований, обладающих национальной и культурной характерностью и

определенностью» [с. 135]. Так соискатель очень точно сформулировала сущность гончаровской художественной антропологии, для которой «архетипическим основанием» становится национально-культурная и ментально-психологическая идентичность образов русской литературы, конституирующих особую парадигму. Ее неотъемлемыми элементами являются «два национальных литературных архетипа, идущих всегда вместе, рука об руку – Ольга и Татьяна» [с. 139] Ларины, образующих своего рода систему координат, в которую А.А. Семакина вписывает едва ли не всех гончаровских героинь. В этом (в числе прочего) и состоит значимость предпринятого исследования.

Все поставленные автором задачи убедительно решены, цель достигнута. Автореферат и публикации А.А. Семакиной полностью отражают основное содержание диссертационного сочинения.

Представляя собой завершенный научно-исследовательский труд, согласно «Положению о порядке присуждения ученых степеней», утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 30.07.2014), диссертация «Литературные архетипы как основа женских образов в романной трилогии И.А. Гончарова («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв»)» соответствует всем нормам и требованиям, предъявляемым ВАК РФ к работам подобного уровня, а ее автор, Семакина Александра Андреевна, несомненно, заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 — русская литература.

Доктор филологических наук,  
профессор кафедры русской литературы  
Московского педагогического государственного  
университета

Адрес университета:  
119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, 1/1  
fil@mpgu.edu  
+7 (499) 246-57-12  
Iisuryupin78@mail.ru  
+7 (985) 065-92-97

Официальный профиль рецензента в РИНЦ:  
[http://elibrary.ru/author/refs.asp?author\\_id=457996&pubrole=100&show\\_refs=1](http://elibrary.ru/author/refs.asp?author_id=457996&pubrole=100&show_refs=1)

Игорь Сергеевич Урюпин

